

— Учитель, учитель, не идите так быстро.

Глубокая ночь. Мелкий дождь сеет с неба, превращая землю в липкое месиво. Четырехлетняя малышка, крепко вцепившись в край халата своего наставника, семенит следом, стараясь не отставать. Ее голосок звучит мягко и тревожно — она до смерти боится, что учитель уйдет слишком далеко.

Наставник останавливается, оборачивается, и в глазах его мелькает тень беспокойства:

— Эх, не могу я медленнее. Если замешкаюсь, ее маленький ученик может погибнуть.

Этого наставника зовут Цин И, она — глава даосской обители Цинъюнь и учитель той самой девочки. На душе у нее тревожно: она знает, что время на исходе и нужно во что бы то ни стало успеть к цели.

Малышка, с любопытством подняв голову, спрашивает:

— Учитель, какой еще маленький ученик? У меня появится младшая сестра? Как же здорово! Теперь я больше не буду одинока и смогу играть с ней.

Лицо девочки светится радостью, а Цин И погружается в глубокие раздумья. Даосская обитель Цинъюнь к ее приходу пришла в полный упадок. Каждый день ей приходится спускаться с горы, чтобы лечить деревенских жителей и хоть как-то сводить концы с концами. Жизнь течет в крайней нужде. А теперь появился еще один рот — значит, придется работать еще усерднее, чтобы все были сыты и одеты. Цин И тяжело вздыхает. Она понимает, что такова воля небес, которую нельзя нарушить, и что она ждала этого момента долгие годы.

— Учитель, учитель!

— А-а! Привидение!

Вдруг маленькая Ло Шихань испуганно вскрикивает, намертво вцепляясь в одежду Цин И, и ни за что не хочет отпускать. Эх, у ее ученицы всё хорошо, вот только трусиха она невероятная. Вспоминая те времена, Цин И невольно вздрагивает. Малышка была до того пугливой и так отчаянно липла к ней и днем и ночью, что сама Цин И лишилась немалой доли сна.

— Учитель, там... там... — раздается тоненький детский голосок.

Цин И берет себя в руки и смотрит туда, куда указывает пальчик Ло Шихань. Под деревом неподалеку лежит человек, крепко прижимая к груди какой-то сверток. Хоть на дворе и ночь, Цин И — мастер боевых искусств, и темнота не мешает ее зрению. Она медленно подходит ближе и понимает, что перед ней молодая женщина лет двадцати, а в руках у нее ребенок. Лицо женщины бледное, как бумага, ни кровинки.

— Учитель... они... — Ло Шихань смотрит на наставницу огромными, полными страха и участия глазами.

Цин И делает шаг вперед и прикладывает пальцы к запястью женщины. Пульс едва прощупывается, но жизнь еще теплится. Однако состояние младенца куда хуже. Цин И поспешно берет ребенка на руки и, не раздумывая, начинает передавать ему свою внутреннюю энергию.

Спустя три дня женщина под присмотром Цин И наконец приходит в себя.

— Маленькая госпожа, маленькая госпожа... — это Сяо Саньцзы, та самая, что прыгнула в реку. Она без умолку шепчет одни и те же слова.

Увидев, что она очнулась, Цин И говорит:

— Ты очнулась. С ребенком уже все в порядке, не волнуйся. Сейчас вы оба крайне слабы, так что можете пока остаться здесь и поправиться.

Цин И не спешит предлагать взять младенца в ученики. Она гадает, не ошиблась ли она: неужели этот ребенок и есть ее будущая ученица? Судя по лицу, спокойной жизни не предвидится, а Цин И больше всего на свете не любит хлопот.

Сяо Саньцзы, услышав слова Цин И, слегка кивает в знак благодарности и тихо произносит:

— Благодарю вас...

Эх! Раз уж пришли, значит, так тому и быть — будь что будет! — смиренно думает Цин И.

Где я? — Шэнь Цзыцин чувствует, как голова раскалывается на части, будто вот-вот взорвется. — Почему так больно?

Шэнь Цзыцин теперь младенец. Сознание затуманено, в глазах — растерянность и недоумение. Она пытается позвать на помощь, но из горла вырывается лишь невнятное угуканье. Она хочет сесть, но обнаруживает, что совершенно не владеет своим телом.

Неужели я парализована? — ужас охватывает ее. — Я никогда не делала зла, почему небо так со мной поступило?

Она кричит внутри себя, но Цин И слышит лишь громкий плач.

— Что такое? Проголодалась? — Цин И в полном замешательстве. Ей никогда не приходилось ухаживать за младенцами — когда она нашла Ло Шихань, той было уже пять лет. Слушая детский плач, Цин И мечется, не зная, что предпринять.

— Позвольте мне, — Сяо Саньцзы с трудом приподнимается. Несмотря на слабость, она хочет успокоить маленькую госпожу.

Вдруг Сяо Саньцзы, стиснув зубы, медленно расстегивает одежду. Кормилица в свое время делала именно так. Она помнила, как ребенок кормилицы однажды заливался плачем, и та поступила так же — малыш сразу затих.

Действие Сяо Саньцзы оказывается настолько неожиданным, что Цин И не успевает среагировать, и перед ее глазами внезапно мелькает белизна.

— А! — Цин И вскрикивает и машинально закрывает глаза ладонями, но сквозь пальцы все же невольно подглядывает. — Э-э...

Лицо Цин И заливают краска, в душе смятение. Она знает, что должна немедленно отвернуться и уйти, но тело будто отказывается слушаться и замирает на месте.

— Прародитель, не гневайся, прародитель, не гневайся, — Цин И поспешно отворачивается и начинает судорожно шептать про себя, пока сердце бешено колотится. Словно прародитель действительно ее слышит, сердцебиение постепенно затихает.

— Девушка, я пойду приготовлю вам поесть, — запинаясь, произносит Цин И и, словно спасаясь бегством, бросается на кухню.

Шаги ее нетверды. На бегу она вспоминает увиденное: эта белая кожа, эти манящие изгибы заставляют сердце снова пуститься вскачь. В то же время она понимает, что ее поведение могло оскорбить гостью, и чувствует жгучий стыд.

На кухне Цин И принимается за работу, надеясь отвлечься. Но как бы она ни старалась, в голове то и дело всплывают те самые картины.

— Проклятье! — шепотом ругается она, с силой массируя виски, пытаясь выгнать непрошенные мысли.

Через некоторое время Цин И возвращается в комнату с дымящейся миской каши. Она осторожно толкает дверь и, увидев, что гостья сидит на краю кровати и выглядит как ни в чем не бывало, наконец выдыхает.

— Девушка, это каша, которую я приготовила. Попробуйте, — говорит Цин И, ставя миску на стол.

— Благодарю вас, глава, — мягко отвечает Сяо Саньцзы. Она смотрит на спящего на руках младенца, и в ее глазах читается безграничная нежность. — Эх, поместье генерала... Боюсь, остались только они двое. А кормилица, боюсь, уже...

<http://bllate.org/book/21466/2195998>